

Если и был на всей базе человек, с которым Инь Минчжэн меньше всего желал видеть Ши Цина, то это, без сомнения, Лэ Ююань.

Лэ Ююаня можно было назвать самым самоуверенным представителем Цюань'эрдай в их поселении. Его отец, один из немногих наделённых реальной властью лидеров, не отсиживался в кабинетах, а лично водил отряды на зачистки от инсектоидов. Пока старик Лэ сражался на передовой, его сын переживал затяжной период юношеского бунта, который не закончился и по сей день. Ююань прославился тем, что искал приключений на свою голову самыми изощрёнными способами, а добрая половина развлекательных заведений во Внутреннем городе была построена на его личные средства.

Его непоколебимая уверенность в себе зиждилась не только на авторитете отца. Лэ Ююань был редким исключением среди прожигателей жизни: он обладал мощным даром, и не какой-нибудь бесполезной бездельюшкой, а высокоуровневой способностью элемента огня. Вдобавок к этому у него обнаружилась предпринимательская жилка. Ещё во время основания базы он умудрился занять под свои нужды обширные участки земли, которые позже, с развитием города, принесли ему баснословные прибыли. Когда в обиход вошли звёздные монеты, верхушка поселения с изумлением обнаружила, что на счету этого парня скопилось больше средств, чем у многих высокопоставленных чиновников.

Богатый, одарённый и прикрытый спиной влиятельного отца, Лэ Ююань жил в своё удовольствие. Дни напролёт он проводил в компании таких же бездельников, кочуя из одного увеселительного места в другое. Даже война с жуками мало что изменила в их образе жизни: разве что теперь нельзя было выезжать за пределы базы, когда вздумается. Но территория была достаточно велика, чтобы им было где разгуляться. Именно благодаря этой компании на базе всё ещё процветали игровые автоматы и прочие атрибуты довоенной жизни.

Инь Минчжэн и Лэ Ююань были заклятыми врагами с самого первого дня. Впрочем, враждовал Ююань в одностороннем порядке. Его неприязнь имела простые корни: трудно любить человека, которого твой отец ставит тебе в пример при каждой редкой встрече. Пока сын не видел родителя неделями, а при встрече выслушивал лишь упрёки в никчёмности, генерал постоянно находился подле Лэ-старшего, выполняя задания и получая бесконечные похвалы. Фраза «Если бы мой сын был хоть вполовину так хорош, как ты» стала для Ююаня настоящим проклятием.

Тот был тем самым «образцовым ребёнком», хотя ни тогда, ни сейчас его возраст не позволял так называть его. В те годы, когда они только познакомились, Инь Минчжэн был слишком занят совершенствованием навыков и обороной, чтобы обращать внимание на выходки заносчивого юнца. Именно это равнодушие, это нежелание видеть в нём достойного соперника злило Лэ Ююаня больше всего.

Для него успех Инь Минчжэна был личным поражением, а любая неудача оппонента — поводом для праздника. Если Инь Минчжэну было хорошо, Ююаню становилось дурно; если же дела у генерала шли из рук вон плохо, тот расцветал. Когда разнеслись слухи о том, что Инь

Минчжэн совершил акт самопожертвования, Лэ Ююань закатил грандиозную вечеринку на три дня. Если бы отец не вернулся вовремя и не разогнал это сборище, он бы праздновал до самого возвращения героя.

Для человека, сделавшего противостояние генералу делом всей жизни, не составило бы труда найти способ уязвить врага. Инь Минчжэн, хоть и не боялся угроз, после появления Ши Цина всерьёз опасался, что Ююань воспользуется его отсутствием, чтобы обидеть юношу. Мужчина старался предусмотреть всё: к Ши Цину всегда были приставлены охранники из числа одарённых. Но, несмотря на все меры предосторожности, Лэ Ююань всё же улучил момент.

Перед красным кабриолетом стоял мужчина, сжимая в руке сломанную игровую приставку. Лицо Инь Минчжэна потемнело от гнева. Не глядя на сияющего от самодовольства Лэ Ююаня, он устремил пронзительный взгляд на юношу и произнёс низким, властным голосом:

— Ши Цин, выйди из машины.

— О.

Одетый в вещи, которые явно покупал не Инь Минчжэн, подросток, похоже, совершенно не осознавал серьёзности момента. Он послушно кивнул и потянулся к замку ремня безопасности.

— Ну зачем же так сразу?

Лэ Ююань со смешком перехватил руку Ши Цина. С вызовом вскинув подбородок, он посмотрел на генерала:

— Мы с Ши Сяоцином уже договорились сегодня хорошенько оторваться. Даже если вы, генерал Инь, приходите к нему братом, негоже заставлять его нарушать обещания, верно?

На слове «братом» он сделал нарочитый акцент. Заметив, как лицо собеседника стало ещё мрачнее, Ююань расплылся в торжествующей ухмылке:

— Время поджигает, так что не будем вас задерживать. Нам пора.

Он небрежно помахал рукой на прощание и нажал на газ. Кабриолет с рёвом рванул вперёд. Ярко-красные волосы Лэ Ююаня трепетали на ветру — в глазах Инь Минчжэна он в этот миг выглядел как никогда вызывающе.

Инопланетный юноша оставался верен себе: не чувствуя настроения покровителя, он послушно затих на сиденье и, обернувшись, с самым невинным видом повторил жест своего нового знакомого.

— Минчжэн, пока! — крикнул он, махая ладонью.

Лэ Ююань, краем глаза заметив это, зашёлся в весёлом смехе:

— Малыш, ты его до инфаркта доведёшь. Могу поспорить, Инь Минчжэн сейчас просто в бешенстве...

ГРОХОТ!

В мгновение ока мужчина, который только что остался позади, возник прямо перед капотом. Громовой звук раздался, когда его ладонь с нечеловеческой силой опустилась на машину, пригвождая движущийся автомобиль к месту.

Красный спорткар замер, из-под капота повалил густой белый дым. Инь Минчжэн стоял неподвижно, глядя на Ши Цина, который в испуге вцепился в руку Лэ Ююаня. В глубине глаз генерала на миг промелькнула тень разочарования.

Лицо его вновь стало бесстрастным, а голос зазвучал ровно и даже мягко:

— Ши Цин, выходи.

Юноша ошарашенно смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Это было ожидаемо: герой человечества впервые проявил при нём свою подавляющую силу.

Лэ Ююань тоже оцепенел. Сколько раз он ни провоцировал оппонента раньше, тот из уважения к его отцу никогда не воспринимал его всерьёз. Лишь сейчас Цюань'эрдаи осознал, насколько страшен этот человек в гневе.

Несмотря на холодный пот, прошибивший его до костей, Лэ Ююань, заметив испуг Ши Цина, почувствовал укол жалости. К нему быстро вернулась прежняя беспечность. Откинувшись на спинку сиденья, он произнёс:

— Генерал Инь, у нас с Ши Цином уговор. Он уже взрослый мальчик. Я понимаю, что вы, как брат, печётесь о нём, но не кажется ли вам, что вы заходите слишком далеко?

Он повернулся к растерянному инопланетянину:

— Скажи ему, Ши Сяоцин.

Инь Минчжэн промолчал. Он лишь ледяным взглядом сверлил Лэ Ююаня. Под его ладонью, лежащей на капоте, металл дорогого автомобиля начал плавиться на глазах у всех,

превращаясь в бесформенную дыру.

Ююань уставился на это отверстие и с трудом сглотнул.

Это была угроза. Явная и недвусмысленная.

Неужели он испугается?

С вызовом вскинув голову, он прочеканил:

— Я искренне симпатизирую Ши Сяоцину. Что бы вы ни делали, вам не помешать мне добиваться его расположения.

Слово «добиваться» словно нажало на какой-то невидимый спусковой крючок. Выражение лица генерала стало по-настоящему пугающим. Не совершая лишних движений, он высвободил ещё одну волну энергии — новый сокрушительный звук ударил по ушам свидетелей.

Передняя часть кабриолета была окончательно расплавлена. Ши Цина спас ремень безопасности: его лишь качнуло вперёд вместе с креслом, но он остался сидеть на месте.

Лэ Ююаню повезло гораздо меньше. Привыкший к безнаказанности, он никогда не пристёгивался. Как только капот превратился в месиво, он вылетел с сиденья и рухнул на дорогу, сжимая в руках один лишь руль.

Пока тот, пересчитав костями все неровности асфальта, пытался подняться, мужчина в длинном чёрном плаще уже подошёл к машине. Его тонкие пальцы коснулись замка на поясе юноши. Щелчок — и Ши Цин, лишившись опоры, начал падать вперёд.

Инь Минчжэн легко подхватил своего маленького принца.

Прижав его к себе, генерал нахмурился, почувствовав тонкий аромат, исходящий от Ши Цина. Сам он никогда не пользовался парфюмом, юноша — тем более. Было очевидно, чьих это рук дело.

Лэ Ююань всегда ценил роскошь, поэтому и духи выбрал изысканные. Но этот едва уловимый, свежий аромат вызывал у героя человечества инстинктивное отвращение.

Это было похоже на чувства льва, обнаружившего на своей территории запах чужака. Это был вызов. Будь он диким зверем, он бы впал в неистовство и не успокоился бы, пока не настиг и не разорвал в клочья наглеца, посмевшегося коснуться его собственности.

Но Инь Минчжэн был человеком. Он умел владеть собой.

Поэтому он лишь крепче обхватил юношу и бросил холодный взгляд на Лэ Ююаня, который уже начал громко сыпать проклятиями.

— Инь Минчжэн! Да как ты посмел уничтожить мою машину?! Запомни: на этой базе все могут тебя бояться, но только не я! Тебе не увести Ши Сяоцина, пока ты не переступишь через мой труп!

Встретившись с бесстрастным взглядом генерала, Ююань на секунду запнулся, но тут же вновь расправил плечи:

— Что, думаешь, я испугаюсь твоих гляделок? Не надейся, я прекрасно знаю обо всех твоих тёмных делишках! Ши Сяоцин — живое тому доказательство. Что ты ему наплел? Что он тебе как брат? Да какой брат так обращается с младшим?!

— Я просто видел, насколько Ши Сяоцин наивен и жалок, поэтому не решался рассказать ему всю правду. Но раз уж ты здесь, я скажу всё прямо! Ши Сяоцин, Инь Минчжэн всё это время...

Мужчина, до этого хранивший молчание, резко вскинул руку.

Лэ Ююань осекся. Его глаза едва не сошлись к переносице, тело окаменело. Он замер, не сводя взгляда с того, что находилось чуть ниже его пояса.

Вся база знала, что формой иных способностей Инь Минчжэна является сгусток чёрного тумана. Любое прикосновение этой мглы превращало человека или инсектоида в горстку пепла в считанные секунды.

И прямо сейчас у самого важного мужского органа Лэ Ююаня застыл сгусток этой тьмы. Мало того, туман не был неподвижен — он едва заметно колыхался, готовый в любое мгновение коснуться одежды.

Одно неверное движение — и о будущем можно забыть навсегда.

Ююань боялся даже дыхнуть, опасаясь, что малейшее колебание воздуха лишит его мужского достоинства.

Виновник его оцепенения смотрел на него сверху вниз с ледяным спокойствием, надёжно удерживая Ши Цина. Его предупреждение прозвучало коротким приговором:

— Второго раза не будет.

Имел ли он в виду попытки Ююаня сблизиться с Ши Цинем? Или предостерегал от попыток разоблачить его ложь? Генерал не стал уточнять.

Он просто развернулся, неся на руках юношу, который покорно затих в его объятиях, и размашистым шагом покинул место происшествия.

Свидетели хранили гробовое молчание. Лэ Ююань тоже не смел издать ни звука. Он стоял не шевелясь, пока чёрный туман не рассеялся вслед за ушедшим мужчиной. А когда он наконец смог поднять голову, то увидел лишь край чёрного плаща, исчезающий за поворотом.

Весь путь Инь Минчжэн хранил молчание. Юноша, притихший у него на груди, казалось, понимал, что генерал не в духе. Он не болтал без умолку, как обычно, делаясь впечатлениями о покупках и новых играх.

Лишь когда мужчина молча отпер дверь и так же безмолвно опустил его на кровать, Ши Цин обхватил его за шею и тихо спросил:

— Лэ Ююань сказал, что ты обманул меня. Это правда?

Тот, собиравшийся помочь ему снять обувь, замер.

— Он сказал, что ты стыдишься наших отношений и поэтому наврал Чэн Цзюню, будто я твой брат. Это правда?

Словно почувствовав что-то в этом гнетущем молчании, вечно весёлый юноша тоже замолчал.

Инь Минчжэн не поднимал головы, не видя его лица. Лишь когда на тыльную сторону его ладони упала горячая слеза, он понял, что Ши Цин плачет.

— Ши Цин...

Мужчина поднял взгляд, чувствуя себя совершенно беспомощным. Он потянулся к нему, желая обнять и утешить, но тут же одернул себя, не зная, имеет ли он ещё на это право.

— Ты вовсе не хочешь быть моим спутником.

Глаза инопланетного юноши покраснели от слёз. Каждая капля, падавшая на руку Инь Минчжэна, обжигала его, словно расплавленный металл.

Горечь и боль затопили его сердце. Ему нечего было сказать в своё оправдание.

Грудь сдавило так, будто невидимая рука сжала всё его существо. Генерал никогда прежде не чувствовал ничего подобного.

Он не был глупцом. В тот миг, когда он осознал, что готов пожертвовать всем, лишь бы Ши Цин перестал плакать, к нему пришло озарение.

Он действительно полюбил Ши Цина.

Когда эта мысль оформилась в его сознании, героя человечества захлестнуло неведомое доселе чувство тихой радости. Всё вдруг стало простым и ясным.

Ему больше не нужно было терзаться сомнениями или гадать о будущем. Важно было лишь одно — быть рядом с ним.

— Ши Цин...

Мужчина протянул руку и почти благоговейно стёр слёзы с лица юноши. Глядя в его покрасневшие глаза, он произнёс:

— Я был неправ. Теперь я всё понял. Я лю...

— Значит, ты и впрямь меня обманывал!

Жалобно рыдавший Ши Цин вдруг вскочил с кровати. Мгновенно увеличив свой вес, он навалился на ничего не подозревающего Инь Минчжэна и придавил его к матрасу.

— Кх...

На этот раз его придавило с ещё большей силой, чем прежде; у генерала едва не потемнело в глазах.

— Ши Цин, послушай...

— Не буду слушать! Ты лжец!

Лицо Ши Цина пылало от гнева. Схватив подушку, он принялся изо всех сил дубасить ею собеседника.

— Лжец! Лжец!

Мужчина был полностью подавлен этим внезапным натиском. Не в силах даже пошевелиться под весом юноши, он лишь пытался перевести дух в те короткие мгновения, когда подушка взлетала вверх.

— Послушай же... успокойся... кх... давай поговорим спокойно.

— Вот сам и успокаивайся!

Юноша швырнул подушку ему в лицо.

— Раз я тебе не нужен, я найду себе другого спутника!

Напоследок он ещё раз навалился на Инь Минчжэна всем весом и, только убедившись, что тот окончательно деморализован, спрыгнул с кровати и пулей вылетел из комнаты.

Кое-как выпутавшись из-под подушки, генерал хрипло крикнул вслед:

— Нет! Ши Цин, подожди!..

БУМ!

Дверь с грохотом захлопнулась.

Мужчина, тяжело дыша от боли в груди, с трудом сел на кровати. Он прижал ладонь к тому месту, где всё ещё ныло сердце, — теперь уже не только от физического веса Ши Цина, но и от осознания собственных чувств, которые он открыл слишком поздно.

Внутри была пустота, растерянность и щемящая тоска.

<http://bllate.org/book/15834/1431977>